

Оглавление

Якутин Ю.В. Для России и на все времена... 7

Доношение ПЕТРУ I 21

Книга о скудости и богатстве 27

Глава первая
О духовности 39

Глава вторая
О воинских делах 73

Глава третья
О правосудии 93

Глава четвертая
О купечестве 187

Глава пятая
О художестве 229

Глава шестая
О разбойниках 253

Глава седьмая
О крестьянстве 277

Глава восьмая
О земляных делах 303

Глава девятая
О царском интересе 327

Козлова Н.В. Первый русский экономист 397

Словарь 410

Глава девятая

о царском интересе

В собрании
царского сокровища
надлежит прямо и здраво собирать,
чтоб никакой обиды ни на кого не навести,
казну бы царскую собирать,
а царства бы его
не разорять.

удой тот сбор, когда кто царю казну собирает, а людей разоряет, ибо если кто прямо государю своему тщится служить, то более собрания надлежит ему людей от разорения соблюдать, то оно собрание и споро, и прочно будет; к нему же и собранное надобно блюсти, дабы даром ничто нигде не гинуло. Хранение добрый товарищ собранию, ибо если охранения где не будет, трудно тут собиратьлю собирать.

Подобно тому, как утлого сосуда не можно наполнить, так и собрание казны, если собранного не будут блюсти, неспор тот сбор будет.

Я то в 710 году, будучи в Новгороде, видел: на гостинном дворе две палаты наполнены были конской сбруей и иными полковыми припасами и что там ни было, все то сгнило и пропало и весь тот припас вырыли из палат лопатами и на сколько сот рублей того было, Бог весть.

И по такому небрежению чаю, что и во всех городах и во армиях от такова ж комиссарского недосмотра в припасах и в хлебных запасах казны много с сего света погибает.

На что сего ближе и страшнее, когда в Санкт-Петербурге на корабельные дела готовят леса дубовые, а и тут пакости великие чинятся.

В прошлом 717 году ехал я Ладожским озером и видел: по берегам и по островам лежит дубовых лесов множество и в том числе есть такие брусья великие, что, чаю, иной брус рублей по сто стал и иной брус уже и замыло песком, иной чуть и виден из песка.

И чаю, что и по иным берегам и островам не без того те, и если оно и до ныне лежит, то много, чаю, и погнило. И по такому небрежению, Бог весть, сколько от такова небрежения казны погибает напрасно.

И то небрежение хотя видится и велико, однако не такое, как от лесных заготовителей убыток происходит, ибо лесные заготовители великую и неисчислимую гибель чинят кораблям, понеже леса готовят гнилые. И если и один брус в коем корабле в причинном месте окажется гнилой, то корабль весь погубит, а есть ли в коем корабле брус

десяток-другой гнилых случится, то такова корабля и почитать кораблем нельзя.

Корабль добрый и здоровый подобен городу, а из гнилостного леса состроенный хуже хворостинного плетня. Плетень, хотя собою и некрепок, однако когда военные люди будут в нем сидеть, то неприятель его даром не возьмет, а корабль, из дряблого дуба сделанный, и без бою от трясения водного пропадет и людей в себе и без неприятеля всех погубит.

На такое великое и нужное корабельное дело надобно бы выбирать лес самый добрый и здоровый зеленоец. А кое дерево видится хотя и здорово, а от древности оно покраснело, и такова дерева отнюдь в корабельное строение не надлежит класть, того ради что и оно непрочно. А которое дерево начало уже рассыпаться, то такое, кроме дров, никуда негодно.

А видел я в Санкт-Петербурге такие леса, привезенные к корабельному делу, что и расколоть прямо нельзя, но ломаются куском, а и тесать станешь, то и щепы не отщепишь, чтоб ей не разломиться надвое или трое. И такова дерева ни близко к корабельному делу не потребно привозить.

И, по моему мнению, в корабельном деле более огня гнилостного дерева подобает бояться, потому что корабль со всем убором станет, чаю, тысяч в сто, а и от небольших гнилостных деревьев весь пропадет и коя казна в нем ни будет, вся погибнет, к тому ж еще и людей в себе множество погубит. В корабельное дело дуб надлежит выбирать самый добрый зеленоец, за добрым свидетельством и ви-

дом бы он просинь, а не красен был. И если из такова дуба корабль будет сделан, то он уподобится железнному, ибо и пуля фузейная не весьма его возьмет. Когда бо такой дуб засохнет, то пуля и полвершка не пробьет, а в красный дуб пуля далече уйдет, а гнилой и того глубже пробьет.

И того ради который корабль из такова здорового дуба сделан будет, то он гнилых лучше двадцати кораблей, понеже он, первое, что он пуль не весьма боится, второе, что от трясения волн не портится, третье, что он не гниет, но более от воды твердеет и может он жить лет пятьдесят или и больше. А из гнилого дерева сделанный корабль не переживет и пяти лет, и работа и казна вся, на него истраченная, даром пропадут.

И мне мнится, лучше корабли делать из здорового соснового леса, нежели из дряблого дуба. Дряблый дуб в сыром месте и пяти лет не переживет, но весь истлеет и пропадет.

Я, на денежном дворе будучи, ставил станы денежные, в коих деньги и монеты печатаются в больших стулах* дубовых. И были они только по половине стула вкопаны в землю, и те стулы в три года все пропали. И я две дубины здоровые соединил и станы в них поставил, то и донныне стоят не повреждены.

И вышеобъявленная в дубовых припасах делается пакость от незнания лесных управителей. А иноземцы хотя и видят, что лес худ, да они о том не пекутся, но токмо о том пекутся, чтобы им сделать мастерски да деньги взять за работу со удовольствием, а добрый человек не стал бы из худого леса и делать.

Они как художники, так и служивые, ничем же разнятся и торговые, более заботятся о своеземцах, нежели о нас. Я чаю, что и все европейские жители не рады нашим кораблям, им то надобно, чтоб они одни славились и богателись, а мы б от них из рук глядели.

И о сем моем изъявлении, чаю, что будут на меня гневаться и, если уведают о мне, что не на похвалу им написал, всячески будут тщиться, како бы меня погубить.

Я их многократно видел, что они самолюбивы, а нам во всяком деле льстят да деньги выманивают, а нас всякими вымыслами пригоняют к скудости и бесславию.

Когда Ц. В. состоялся указ, чтобы делать круглые деньги медные, то никто ни из русских людей, ни из иноземцев не сыскался такой человек, чтобы те инструменты к таковому делу соорудить, только иноземец Юрья Фробус⁸⁷ брался добыть таковых мастеров из-за моря.

И я, видя в том деле промедление великое, вступил в то дикое дело и все то денежное дело установил. И я им, иноземцам, в том если и учинил пакость, однако мне вреда никакого не было, а ныне нельзя их не опасаться, понеже их множество, и за поносное на них слово не учинили бы мне какой пакости.

И о непотребном лесе, к корабельным делам привозимом, исправить невозможно, если нынешнего порядка в заготовлении лесном не изменить и штрафа на заготовителей и на отправителей не наложить.

И, по моему мнению, видится, надлежит учинить таким образом. Которые люди готовят тот припас в лесу,

---

⁸⁷ Ю. Фробус служил «мастером золотого дела» в Золотой палате.

то повелеть бы секачам, войдя в лес, первое осмотреть дерево, на корню стоящее, здорово ли оно есть. И буде стоит оно весело и признака в нем к хворости никакой нет, то от земли сажень в двух или и выше вырубить иверень и тот иверень, высуша, освидетельствовать. И буде дерево здорово и зелено и к рубки крепко и к тесанию вязко, то свалить его с корня и тесать по образцу. И, вытесав, осмотреть его, все ли оно здорово, и буде нет в нем ни зяблины*, ни иного никакого признака хворобного, то заклеить его тому секачу. А кто у него примет, тому також де осмотреть его накрепко, нет ли в нем какова пороку, и будет по всему оно здорово, то и тому приемщику приложить на нем свое клеймо, а без клейма никакого дерева, ни доски к кораблям без клейма не отпускать.

А буде кое дерево с корня свалят и станут его тесать и тогда, если означится в нем зяблина или дряблина или к тесанию будет ломко, и такие деревья отдавать на бочки и на иные потребности, кроме корабельного дела, или те леса жечь на смолу. А буде на какую потребу такой выбранный лес и к корабельному украшению, кроме основательных дел, годен будет, то тот лес отпускать без клейма.

Подкрепление же об отправлении корабельных лесов учинить бы так: буде кое дерево корабельное великое или малое явится у корабельного дела в привозе нездоровое, и то дерево бросить не в чотку*, а чье на нем клеймо, тому такое ж дерево одно или два за одно к корабельному делу на своих проторях* поставить. А секачей, кои тесали и, заклеив, отдали приемщику негодное, высечь батогами

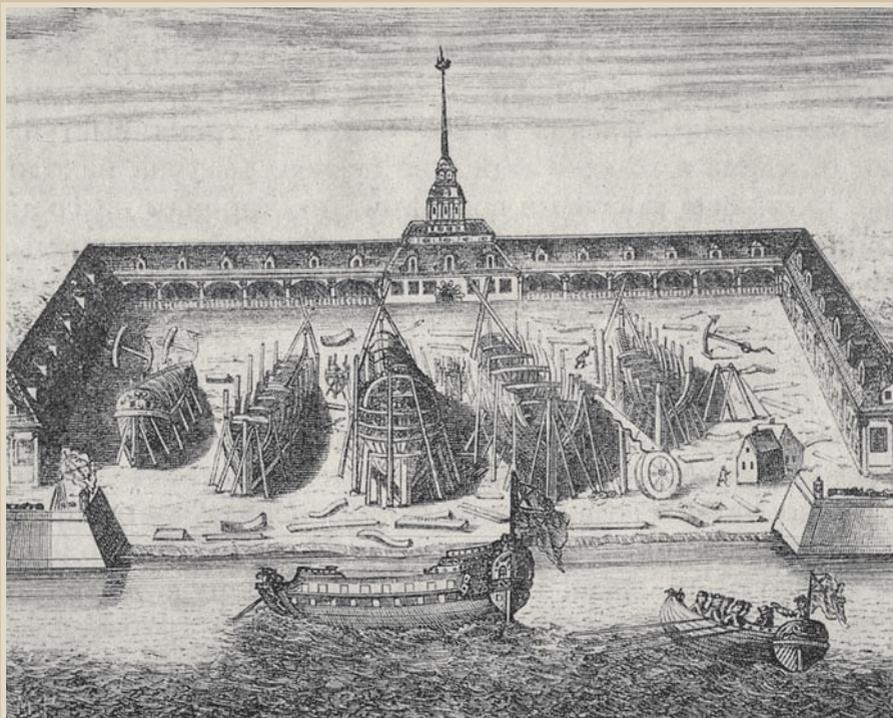
или кнутом, дабы впредь таких негодных дерев не рубили и не тесали.

И за таким штрафом впредь уже таких негодных дерев ни рубить, ни тесать не будут и к корабельным делам отпускать не станут.

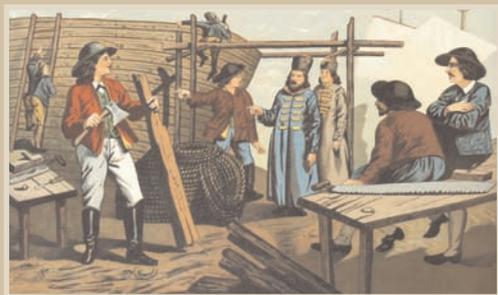
А если зеленого дуба на корабельное дело набрать будет невозможно, то, мне мнится, не по что и тратить казны на дубовые леса, потому что плохой дуб ни малым чем не лучше сосны, а казны в них преизлишне идет много. Я чаю, что тою казною, сколько изойдет на корабль дубу, сосновых можно три иль и четыре сделать, а служить он лишь бы не лучше дубового стал. Дуб гнилой, когда напьется воды, то он подобен будет глине и на ходу вельми будет он тягостен, а сосновый и еловый гораздо будет легче, а и от трясения волн еловый лучше дряблого дуба устоит.

Я чаю, что многие люди будут о сем спорить, глаголя: «Никогда де сосне не быть крепостью против дуба». То и я того не спорю, что добрый и здоровый дуб зеленец в пятеро или в десятеро лучше сосны, а красный едва будет ли лучше, а который прогнивший, то тот хуже и ели.

Страшен мне сей глагол, что дерзнул о таком деле великом писать, но неистовая моя горячность понудила меня на сие дело. Бог мне свидетель, что не ради какова искания или прибýtка желая себе, но токмо самой ради любви, которую имею к Его И. В. самодержавию, ибо я от юности своей был таков и лучше мне каковую пакость на себе понести, нежели, видя что бесполезно, умолчать. И что во изъявлении моем покажется невероятным, то

Адмиралтейство при Петре Великом. Гравюра. XVIII в.

Петр I в Саардаме на корабельной верфи. Е. Григорьев. XIX в.

Рисунок гербового знамени Петра I. XVII в.

Рисунок корабельного флага Петра I. XVIII в.

Корабль петровского времени. Неизвестный художник. XVIII в.

может свидетельством или пробой разрешиться во всех девяти главах, более же всех свидетельств правдолюбивое сердце да рассудит все.

Еще же будучи в Новгороде в 710 году видел я, к тем же кораблям вьют канаты и вьют их из такой скаредной пеньки, что коя уже никуда не годится, и, свив, смолою засмолят, возят в Санкт-Петербург и отдают на корабли, и в таковых канатах верная погибель, а не надежда.

И ради таковой пакости, мнится мне, лучше в Адмиралтейство принимать канаты несмоленные, того несмоленного осмотреть, какова в нем пенька и сколько в ней кострики* и здоровая ль она или гнилая, развив все, то можно познать, а в смоленом ничего того не узнать. И смолить бы их, уже освидетельствовав, то такие канаты будут надежны.

Канаты корабельные становые — дело великое и страшное, и делать их надлежит из самой доброй и здоровой пеньки потому, если канат надежен, то кораблю спасение, а если канат худ, то кораблю и людям в нем сущим явная погибель.

И буде и ныне канаты из такой же плохой пеньки делают, то не по что якорей и метать в воду, но лучше пустаться по ветру.

Еще же надлежит мне донести и о посошной работе⁸⁸. Которые присылаются с городов в Санкт-Петербург на трехмесячную работу, також де и во иные места придя,

⁸⁸ *Посоха* — старинный термин для обозначения сбора населения на войну или на работу государственного значения. Название происходит от «сохи» — земельной меры, основы обложения тяглого населения в XVI—XVII вв. Посошной работой у Посошкова назван обязательный набор рабочих для строительства Санкт-Петербурга.

работают по три месяца, а работы их видеть невозможно и смотреть на ту их работу моркотно*, потому что гонят день к вечеру, а не работу к отделке.

А если бы и то исправить таким порядком. Выбрать к тем делам правителей добрых, кои бы не алтынники* были, и приказать им осматривать разумно и сметить, сколько на коей работе трехмесячные работники в бытность свою сделали. И новопришедшим работникам ту работу объявить и некоторую часть к тому и приложить, по делу смотря, и сказать им так: «Если такое число делаете хотя в один месяц, то и отпущены с трехмесячной работы будете». А сделав урок, хотя на государеву ж работу наймутся, хотя и по мирским работам будут наниматься, а буде не похотят наниматься, то шли бы в дома свои.

И тем управителем сказать указ за жестоким штрафом и с наказанием, чтобы если в один месяц ту трехмесячную работу отработают, то ничего бы с них не брали, и не волоча их ни дня, и отпуск бы им чинили. И когда так устанется, то крепко можно надеяться, что многие будут трехмесячную работу в один месяц отработывать.

И кои работники урок свой отработают, хотя скорее месяца, а отпуска давать им трехмесячные, потому что они трехмесячную работу сработали. А если во отпуске трехмесячные работы не написать, то откуда они посланы, станут на них данных им денег спрашивать назад.

И буде и не все коего города работники, но отберутся артелью трехмесячную указанную им работу отделают, то ту артель и отпустили бы без задержания, и, на то смотря, будут и другие работники поспешать. А кои не похотят

уроками делать, и те пусть все три месяца работают. И когда так устроится, то всякие дела поспешнее будут отправляться.

И если впредь так устроить, то всем работникам охотнее будет на работу ходить и дела будут отправляться поспешнее, потому что, отделив свой урок, будут хотя на той же работе из найма работать.

И не токмо во одних черных работах надлежит учинить, но и в ремесленных делах как в русских, так и во иноземцах надобно також де учинить, чтобы всякую работу давать им уроками ж.

А месячное им жалованье надлежит отставить и давать по результатам труда каждого их, так всякие дела скорее будут делаться.

Видел я в Оружейной палате: при сиденье Алексея Александровича Курбатова⁸⁹ иноземец принес фузею, к которой делал он деревянное ложе, гладкое, ни резей, ни костей в него не сажено, а делал он то ложе четыре месяца, а на всякий месяц шло тому иноземцу едва не выше ли десяти рублей.

А если бы отдать то ложе с договором, то взяли бы от него рубля полтора или бы и сорок алтын и сделали бы дня в два или в три, а не в четыре месяца. И Алексей Александрович вельми на него кричал и говорил: «Ложе де больше двух рублей не стоит, а вышло де оно близ шестидесяти рублей».

⁸⁹ Курбатов Алексей Александрович — первый «прибыльщик» (изыскатель новых статей государственных доходов) и прожектор. На рубеже XVII—XVIII вв. был дьяком Оружейной палаты; в 1705 г. назначен обер-инспектором Ратуши, а в 1711 г. — вице-губернатором Архангелогородской губернии.